Фото Ю. Сизова.

На току колхоза «Третий год пятилетки» Щигровского района.

ПАРТИЙНАЯ ЖИЗНЬ

МОГУЧЕЕ СРЕДСТВО ИДЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ

(ПО ПИСЬМАМ ЧИТАТЕЛЕЙ)

«Краткая биография И. В. Сталина» стала настольной книгой многих сотен тысяч советских людей и с каждым днем завоевывает все большую популярность. По Краткой биографии советские люди узнают о том, как товарищ Сталин непоколебимо вел и ведет нашу Родину через все преграды и опасности к заветной цели—коммунизму. Советские люди черпают в ней замечательный образец сталинского служения Родине и народу.

Краткая биография И. В. Сталина —могучее средство идейного воспитания масс. Многие партийные организации области, как сообщают об этом наши читатели и корреспонденты, развернули большую работу по организации изучения этой книги.

В Ракитянском районе, как пишет нам заведующий районным парткабинетом тов. Четвериков, проходят занятия по изучению книги в 27 кружках трудящихся. Для руководства ими райком подобрал опытных и политически образованных коммунистов. Эти товарищи читают доклады по различным темам биографии И. В. Сталина в колхозах и на предприятиях. Тов. Ермилов, зам. директора по политчасти МТС им. Калинина, и тов. Кузнецов, зам. директора по политчасти Готнянской МТС, проводили беседы с трактористами в поле.

Из Солнцево также сообщают о лекциях и докладах по биографии И. В. Сталина. Тов. Родин, заместитель директора по политчасти Шумаковской МТС, проводит в колхозах и тракторных бригадах беседы по отдельным периодам жизни товарища Сталина. Несколько докладов о великом вожде прочитал для колхозной аудитории редактор районной газеты тов. Солдатов.

Фатежский райком партии недавно созвал бригадиров полеводческих бригад колхозов—всего до 150 человек. Они прослушали доклад заведующей парткабинетом райкома ВКП(б) тов. Чудесниковой о биографии Иосифа Виссарионовича Сталина.

Многие райкомы ВКП(б) организовали постоянно-действующие семинары и собеседования для всех товарищей, руководящих занятиями по книге «И. В. Сталин. Краткая биография». В этих районах заметно богаче и живее стала пропагандистская деятельность партийного актива.

Можно привести в пример Ракитянский район. Здесь часто собираются семинары руководителей кружков, политшкол, агитколлективов и докладчиков. На одном из таких семинаров подробную лекцию об идейном богатстве научной биографии И. В. Сталина и ее значении для партийной пропаганды сделал секретарь райкома тов. Иссонкий. В процессе работы над книгой участники семинара также знакомятся с трудами классиков марксизма-ленинизма.

В ряде районов парткабинеты, библиотеки, дома культуры проделали большую организационную работу в связи с выходом в свет второго издания Краткой биографии И. В. Сталина. Настоящим центром серьезной воспитательной работы стал Обоянский парткабинет. Каждую неделю в парткабинете устраиваются читки, популярные лекции и доклады по биографии И. В. Сталина. Для интеллигенции города были прочитаны лекции о детстве и юности И. В. Сталина, о начале его революционной деятельности в Закавказье. Эти лекции прошли при большом количестве присутствующих и вызвали у слушателей живой интерес.

В Солнцевском районном Доме культуры также каждую неделю устраиваются публичные лекции о жизни и деятельности вождя нашей партии и государства товарища Сталина. Районная библиотека и парткабинет здесь готовят литературную выставку и фотомонтажи, посвященные жизни Ленина и Сталина.

Для оказания помощи самостоятельно изучающим биографию И. В. Сталина, отдел пропаганды и агитации Золотухинского райкома ВКП(б) собирает таких товарищей на собеседования. Недавно на таком собеседовании участвовало 75 коммунистов и беспартийных. Пропагандист райкома партии тов. Чевычелов прочел для них доклад на тему: «Товарищ Сталин—организатор побед советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» Присутствующие просили чаще проводить такие встречи.

Рыльский райком проводит цикл лекций в помощь самостоятельно изучающим жизнеописания великих вождей партии и советского народа. Об этом нам пишет читатель «Курской правды» тов. Субботин.

В Льгове широко используется радиовещание для массовых бесед по радио о жизни и великих деяниях товарища Сталина. Недавно заведующий отделом пропаганды и агитации райкома партии тов. Скобликов и заведующий парткабинетом тов. Жданова выступили по радио с докладами об изучении Краткой биографии товарища Сталина. Сейчас по радио регулярно читается эта книга по главам.

На Курской трикотажной фабрике уже два месяца работает молодежный кружок. В нем занимаются работницы мотального, вязального, фантового и швейного цехов.

Об учебе в этом кружке сообщает нам в письме его руководитель главный механик фабрики тов. Черных. Кружковцы трикотажной фабрики уже изучили более одной трети книги. Занятия в кружке происходят в форме читки глав книги и дополнительного рассказа преподавателя. После этого развертывается беседа по пройденному.

Комсомолки — слушательницы кружка—на деле показывают свою политическую сознательность, выступая в первых рядах борьбы за досрочное выполнение производственного плана. Комсомолки—мотальщица Галина Мазурова, фанговщица Валентина Мальцева, вязальщица Полина Маслова, оверлочницы Анна Найденова и Инна Киреева систематически перевыполняют производственные задания в полтора-два раза. Эти комсомолки проводят беседы по темам биографии И. В. Сталина среди своих товарищей по цеху.

Письма в редакцию из разных мест дают представление о широком размахе изучения биографии товарища Сталина. Всюду надо обеспечить высокое качество занятий.

□ □ □

По следам выступлений „Курской правды"

„ЗАЧЕМ БЫЛА РЕВИЗИЯ"

В опубликованном под таким заголовком письме в редакцию («Курская правда» № 119) сообщалось, что лица, виновные в разбазаривании колхозного добра в сельскохозяйственной артели имени Калинина Больше-Солдатского района не понесли наказания.

Прокурор Больше-Солдатского района сообщил, что указанные в письме факты подтвердились. Бывший председатель колхоза И. М. Самойлов, счетовод Н. Апанасенко и другие привлечены к уголовной ответственности.

„ВОЗМУТИТЕЛЬНЫЙ СЛУЧАЙ"

Приказом по областному управлению сельского хозяйства врач Шатилова, по вине которой в Ленинском районе были оторваны от уборки в течение двух дней около 200 лошадей (см. «Курскую правду» от 16 июля) привлекается к уголовной ответственности.

Колхозная парторганизация на уборке урожая

3. Самое главное

На второй день после начала косовицы к секретарю парторганизации пришли звеньевые.

—Кто же, тов. Рябоштанов, у нас первым хлеб государству повезет?—спросили они.

— Беспокоимся, — заговорила Анна Снопкова.—Я вот на районном совещании передовиков обещала первую квитанцию получить. А слов я на ветер бросать не люблю...

Слушая звеньевых, секретарь парторганизации радовался от души. Такую заботу рядовых людей о делах артели он подмечал в последние месяцы не раз. Разве не сознание общественного долга заставляло колхозных кузнецов сутками без отдыха ремонтировать уборочные машины, ходить за десятки километров пешком в поисках запасных частей?

Будь это два года назад, и молотобоец Федор Славгородский, и кузнецы братья Немерцевы, и колхозный электрик комсомолец Снопченко, может быть, совсем по иному отнеслись бы к тому, что в колхозе нет шинного железа и потому срывается ремонт инвентаря. А нынче они по своей инициативе ездили за этим железом и в Волчанск, и в Белгород, и в Курск. Кроме того, решили обратиться к колхозникам. В течение нескольких дней они собрали много шинного железа, обручей, колес для жаток и конических шестерен. Инвентарь и машины были хорошо подготовлены к уборке.

Перед началом уборки урожая, чтобы поднять на героический труд всех колхозников, коммунисты ходили по хатам. В своих беседах они напоминали людям, какую неоценимую помощь оказало государство артели. 86 центнеров семян, 374 центнера продовольственного зерна, 247 центнеров фуража получил колхоз в 1946 и 1947 годах. 300 семей колхозников, обреченных на голод, получили хлеб от советского государства, от товарища Сталина. Агитаторы называли фамилии многодетной солдатской вдовы Марфы Мартушковой, тяжело больного колхозника Максима Павловича Гончарова, стариков Скоролуповых, и многих других, которые выжили только благодаря этой помощи.

На сталинскую помощь, на заботу партии и правительства колхозники отвечают трудовой доблестью. Их волнует теперь одна мысль—как быстрее собрать и сохранить урожай, как выполнить свои обязательства перед государством—свою первую заповедь. Рябоштанов рассказал звеньевым о планах правления колхоза и партийной организации.

— Главное—не допустить потерь,—подчеркнул он, — сберечь весь хлеб. Поэтому мы стараемся убирать его в восковой спелости, пускаем конные грабли, посылаем ребят собирать колосья.

Еще весной Семен Трофимович Гончаров, колхозный плотник, приспособил к каждой жатке по зерноуловителю. На комбайне удлинены решета, у транспортера и в приемной камере его также подвешаны зерноуловители, к косам приделаны крючья и дуги. Кроме этого нужно применить и ручную подгребку колосьев граблями, зубья которых переплести шпагатом.

Хорошо, что мы во-время изготовили 8 бестарок, закупили 250 мешков, 100 мешков наши комсомольцы взяли на время вывозки хлеба взаймы у односельчан, а старухи старательно их вымыли и починили. На каждом нашем мешке стоит клеймо колхоза—наша марка, если можно так назвать. Вот за нее и надо бороться. Пусть все знают, что хлеб, привезенный в этих мешках, самый лучший, что он доставлен на заготовительный пункт раньше, чем из других артелей.

В каждой бригаде выделены сторожа для охраны снопов в поле и зерна на токах. Из-под молотилки оно будет отправляться сразу же на склад. Большое значение нынче имеет учет урожая. От каждого звена весовщик будет принимать хлеб строго по документам.

Что касается вывозки хлеба, то этим займется транспортная бригада. Во главе ее поставлен член партии Дмитрий Трофимович Ивантеев. Знаете вы его?

— Как не знать. Человек стоящий, доверяем,—дружно ответили женщины.

— Но к вам особая просьба,—заключил свой рассказ секретарь парторганизации. — Пяти подвод в транспортной бригаде мало. По графику мы должны ежедневно отвозить на ссыпной пункт не меньше 100 центнеров зерна. Надо, чтобы каждое звено выделило на вывозку хлеба по две коровы. У нас 25 звеньев—значит на транспортировке зерна можно использовать ежедневно до пятидесяти коров.

— Ну, что же, — ответили звеньевые,—колхоз в трудную минуту нас поддерживает крепко. И на нас он также может рассчитывать. Будем возить зерно и на лошадях, и на коровах.

Все согласились, что раз Снопкова обещала первой в районе доставить зерно нового урожая на заготовительный пункт, ей надо помочь выполнить обещанье. Секретарь парторганизации посоветовался с председателем артели, и на утро Анна Евдокимовна под'ехала к складу. Как рачительная хозяйка, она проверила, хорошо ли уложено зерно, добротные ли ей дали мешки, и, убедившись, что все сделано так, как надо, отправилась в районный центр. К вечеру она вернулась и привезла первую квитанцию о сдаче хлеба нового урожая.

Начало было положено. По примеру Снопковой в вывозке зерна стали участвовать и другие звеньевые. Каждый день к колхозному складу под'езжали люди на лошадях и коровах и торопливо грузили мешки тяжелым, полновесным зерном. Дмитрий Трофимович Ивантеев, бригадир транспортной бригады и агитатор, предложил начать соревнование возчиков.

Партийная организация с первых дней взяла под наблюдение выполнение графика хлебосдачи. Сначала ее не удовлетворяла неравномерная работа транспортной бригады.

— Почему у вас так выходит: сегодня везете сотню пудов, а на завтра и десятка нет. В чем дело? —спрашивал коммуниста Ивантеева секретарь парторганизации. Он внимательно проследил за ходом вывозки зерна и убедился, что темпы хлебосдачи сдерживает обмолот. Этот вопрос обсуждало партийное собрание. Чтобы ускорить молотьбу, коммунисты решили наладить круглосуточную работу сложной молотилки, днем и ночью молотить хлеба вручную.

Коммунисты единодушно поддержали предложение председателя артели Позднякова об использовании энергии гидростанции для электромолотьбы. И опять, как в дни стройки плотины на реке Нежеголь, закипела работа на улицах Маломихайловки. Молодежная бригада решила провести высоковольтную линию в поле. Каждый час был дорог в эти страдные дни. Коммунисты и комсомольцы брались за самое трудное—после работы они рыли ямы, ставили столбы, натягивали провод. Через несколько дней можно будет установить в поле мотор и с помощью электроэнергии привести в движение вторую молотилку. А пока, не ожидая окончания монтажных работ, эту машину установили рядом с гидростанцией, сюда подвозили снопы. Несмотря на это, производительность на молотьбе увеличилась во много раз.

Теперь нет в артели разрыва между обмолотом и вывозкой хлеба. Транспортная бригада всегда находит на токах и складах готовое, очищенное и просушенное зерно. Сотни центнеров его уже отправлены на заготовительные пункты. Хлеб нового урожая идет Родине.

Так заботятся коммунисты о самом важном и главном—о выполнении первой заповеди колхозов—хлебопоставок.

М. ТУНГУСКОВА.

Колхоз «Веселе життя» Шебекинского района.

А. ГОНЧАР

Голубой Дунай

16 июля «Курская правда» опубликовала отрывок из второй части романа «Знаменосцы» молодого украинского писателя А. Гончара. Произведение это, ярко показывающее национальную гордость советского человека, вызвало большой интерес читателей. Удовлетворяя просьбы их, высказанные в ряде писем, редакция публикует еще один отрывок из романа. Первая часть книги полностью опубликована в журнале «Новый мир» № 3, вторая часть—под названием «Голубой Дунай» будет печататься в журнале «Новый мир».

После боя на набережной минометчики, влетев в помещение парламента, столкнулись у входа с Ференцем.

— Ты уже здесь, Ференц? — крикнул Вася Багиров. — Убьют! Еще стреляют...

— Уже не убьют,—снимая шляпу, торжественно ответил художник,—Уже нет.

Приблизившись к Чернышу, Ференц взял его за руку.

— Товарищ лейтенант... гвардии,—произнес он с акцентом.—За все... всем вам... всей России...

И хотел поднести руку к губам. Черныш, краснея, вырвал руку.

— Что вы, Ференц? У нас... так не делают.

Они побежали вверх по белым мраморным ступеням. За бойцами, размахивая полами своего макинтоша, спешил Ференц.

— Куда, братья-славяне?—спросили бойцы из другого полка.

— К министрам!

— Нету.

— Еще сидят в канализационных трубах!

— Го-го-го!

Залы, словно гулкие Альпы, отражают веселые голоса.

В окна, сквозь разноцветные стекла, льется мягкий радужный свет, наполняя залы, фойе и коридоры пестрым полумраком. Как будто поднимаешься по этим белым ступеням в туманный, фантастический мир.

— Палата депутатов,—с гордостью об'ясняет Ференц, забегая к минометчикам то с одной, то с другой стороны.

Палата депутатов... Мрачный, величественный зал с ярусами стульев. Перед каждым стулом столик с табличкой. На ней фамилия депутата. Где сейчас эти депутаты, продавшие фашистам свой народ? В Швейцарии, или в Баварии, или на острове Капри...

Ференц замирает от гордости и уважения.

Хаецкий утомленно присел в одно из кресел, разглядывая разукрашенные стены. Только теперь он почувствовал, как гудят ноги после долгого напряжения.

— Хома! Хома! — встревоженно говорит Ференц.—Это кресло министра.

— Министра? — Хома заглядывает под кресло.—Так что же?.. Сломается? Нет, как будто стульчик не хуже других. Мягкий, как раз для меня... Ты же знаешь, Ференц, что я контужен...

Художник собирает с пола тяжелые фолианты и, вытирая их, складывает стопкой на стол.

— Что это за книги?

— Законы, Хома... Наши старые законы. Однако почему они, твои законы, такие затоптанные, пылью прибитые?

— Я перетру, Хома.

— Перетри, перетри хорошенько, Ференц, — поучает Хома,—да еще и перетруси. Бо там, наверное, уже и моль завелась. Какие хорошие—оставь, а какие плохие — в печку. На их место положи новые. Такие, чтоб войн не было! Слышишь, Ференц?

— Но это в компентенции министров, Хома.

— Как ты говоришь?

— Ну... это наши министры...

— Министры... Гей вы, министры! — кричит боец пустым местам палаты, как будто там и в самом деле сидят министры.—Пойдите-ка сюда, имею к вам разговор. Буду своего добиваться... Вот фашистов мы выперли в Дунай. Места для вас свободны. Будьте ласковы, мерси, занимайте... Но знайте, что теперь Хома не захочет, чтоб вы снова гнули фашистскую политику и загибали ее на войну. Разве напрасно я всю Мадьярщину до самого Дуная своими окопами перекроил? Разве напрасно не вернулись в нашу Вулыгу Олекса и Штефан и кум Прокоп? Нет, ой, нет... Теперь я буду внимательно к вам прислушиваться. Не захотите жить мирно и ладно, будет вам горько, как сегодняшним фрицам! Не усмехайся, Ференц, не скаль на меня зубы. У меня еще у самого такие, что гвоздь перекушу. И рука еще не сдает. И сыны еще дома растут, червонные, как калина, крепкие, как дубки. Я им пишу, чтоб смотрели с нашей Вулыги и на Дунай, и за Дунай, и на весь белый свет.

Черныш стоял наверху, в палате сенаторов, окутанной белыми сумерками. Молча осматривал пышную окраску стен, скользя по ним пренебрежительным взглядом и думая о тех далеких, растерянных по пути, что шли и не дошли сюда. И боец Гай, и Юрий Брянский, и Саша Сиверцев, и Шура Ясногорская,—все навеки или на время выбывшие из строя, как будто только что поднимались с ним вооруженной толпой по белым ступеням и вступили в этот зал. Он ясно видел их лица, слышал их голоса и сам обращался к ним.

«Вы не должны быть никем забыты, ни изменчивыми политиками, ни дипломатами, ибо вы шли в авангарде человечества и без вашей жертвы не было б ничего...»

Рыдал без слез, кричал без слов.

«Вас человечество подхватит, как песню, и понесет вперед, потому что вы были его первой весенней песней...»

Большие дороги армий пролегли перед глазами Черныша. Отсюда, с этой высокой точки чужого побежденного города, он доставал взглядом неисчислимые тысячи серых окопов, разбросанных по полям Европы, слышал перестук солдатских подков по заминированным асфальтам, стон забытого раненого в подоблачных горах. Жизнь, перестав быть для него розовой загадкой юности, открывалась перед ним в простоте своего величия. Он видел ее смысл сейчас яснее, чем когда бы то ни было. И пусть он упадет, как Юрий Брянский, в задунайских низинах или в словацких горах,—он и последним проблеском сознания будет благодарить судьбу за то, что она не водила его зигзагами, а поставила в ряды великой армии, на прямую магистраль.

Мысли его прервал Багиров, явившийся с сообщением, что батальон собирается.

Возвращаясь из палаты сенаторов, Багиров и Черныш услыхали голос Хомы. Заглянули в нижнюю палату. Хома сидел глубоко внизу, закинув ногу на ногу, и поучал. Автомат лежал у него на коленях. Вокруг Хомы, скрючившись, держась за животы, хохотали бойцы. Среди них были и самиевцы и солдаты из других частей.

— Кончай ночевать! — скомандовал старшина. — Минометная выходи!

Хома вылетел из кресла.

— Будь здоров, Хома!—тряс ему руку Ференц, прощаясь.

— Будь здоров, Ференц!.. И не кашляй!

— Будь спок, будь спок, Хома! Положись на нас. Спасибо закушай-кушай... Спасибо за все.

Бойцы загрохотали между депутатских мест по деревянным ступенькам.

Из Буды били пушки.

* * *

Вечером полк готовился к маршу.

Подразделения группировались в одном из темных кварталов. Командир полка Самиев, собрав комбатов, сообщал им порядок движения.

Ароматные кухни тряслись через двор, теряя жар из поддувал. Бойцы спешили с котелками на ужин.

Багиров, добыв опять подводы в транспортной роте, укладывал материальную часть. По всему было видно, что марш будет далекий. Иван Антонович заставлял своих минометчиков переобуваться при нем, чтоб не потерли ноги в пути.

Среди бойцов о марше ходили разные слухи.

— Говорят, под Турцию...

— А я слыхал, что на Дальний Восток.

— Брехня... Идем на север, форсировать Дунай...

— Чего тут гадать: куда прикажут, туда и пойдем.

В огромном пустом гараже бойцы разложили костры. Ужинали, переобувались, сушили портянки.

Иван Антонович подошел к одному из костров, у которого сидели минометчики. Волна теплого воздуха мягко накатилась на него.

Среди минометчиков у костра сидели лейтенант Черныш и майор Воронцов. Прихлебывая чай прямо из закопченных котелков, присутствующие вели спокойную, видимо давно начатую беседу.

— ...Знаете, как об этом сказал Михаил Иванович, — говорил майор.—Вы, говорит, явитесь домой новыми людьми, с мировым именем. Людьми, которые сознают свое непосредственное участие в создании мировой истории.

— Чуешь, Роман?—толкнул земляка Хома.—Творец мировой истории!

— А они нас считали низшей расой...

— А мы и будем низшей,—говорит Хома.

— Что-о?—ощерился на него ефрейтор Денис Блаженко.

— Низшей расой, говорю. Потому что мы останемся на земле, а они закачаются на виселице. Разве же то не выше?

Бойцы хохочут. Маковейчик играет интересным портсигаром.

— А ну покажи свой трофей майору!—подзуживают его бойцы.

Маковейчик демонстрирует. Умный портсигар, щелкнув, выбрасывает готовую самокрутку.

— Здорово!—заблестели глаза у одного из пехотинцев, такого же молоденького, как и Маковейчик. —Только закладывай бумагу!

— Здорово!—говорит и майор, прикидываясь удивленным. А ну еще!

Маковейчик с простодушной радостью щелкает.

— Домой повезешь? — спрашивают его.

— Я такой мизерии не повезу,—говорит Хома. — Чи я беспалый, что сам не скручу себе цыгарки, хай его маме! И вообще эта выдумка, чтоб только глаза замазывать. Раз-два и уже заедает. Привезти—так мотоцикл!

— Или часы, — вставляет молоденький пехотинец. — Часов у них, как мусора.

— Все «роскопы», — замечает Денис Блаженко, не отрывая взгляда от развернутой дивизионной газеты, которую держит в руках.—Штамповка.

— А сколько шелков,—бросает замполит.

— Искусственные, — возражает Хома.—Только в воду—и расползаются... Разве мы слепцы? Мы все видим.

— Много у них всякой всячины, —задумавшись говорит майор и останавливает взгляд на газете в руках Блаженко. На первой странице, у заголовка, изображен орден Ленина, которым награждена дивизия.—А вот скажите мне, товарищи,—Воронцов передает ординарцу пустой котелок, — скажите мне, у кого из них есть ленинизм?

— Ле-ни-низм? — переспрашивает Маковейчик, ошарашенный этим неожиданным вопросом. — Ленинизм?

— Да, ленинизм. У кого из них есть такое учение, которое, как солнце, осветило дорогу всему человечеству?

— Ни у кого.

— А у кого из них есть такое государство, — постепенно повышает голос майор,—которое устояло, как скала, этакую бурю?

— Ни у кого.

— А у кого из них есть люди, которые, не сломав хребта, вынесли бы все то, что вынесли мы с вами?

Бойцы сидели, задумавшись. Даже в их молчании было что-то об'единяющее. Видно было, что думают они не каждый про свое личное, отдельное, а про единое, одинаковое у всех. Это был момент той глубокой задушевности, какая так часто возникает у солдатского костра между людьми, прошедшими вместе долгий, тяжелый путь, сроднившимся в боях. И радости, и боли, и воспоминания, и перспективы давно уже стали для них общими, семейными.

Черныш достал из кармана треугольник письма и, наклонившись к огню, развернул его. «Который раз лейтенант его перечитывает», —подумал Хаецкий.

Это было первое письмо от Шуры Ясногорской, полученное Чернышем сегодня.

«Здравствуй, Женя,—писала она. — Лежу в армейском госпитале, в том самом, где когда-то сама работала и встретила Шовкуна. Здесь же и Саша Сиверцев, мы часто встречаемся с ним и вспоминаем полк. Полк! Сколько в этом слове для нас и тоски, и боли, и невыразимого очарования! Где вы теперь, Женя? В Будапеште ли, под Эстергомом или у Комарно? Мы каждый день думаем об этом с Сашей и никак не можем угадать: всюду, где самые тяжелые бои, там, нам кажется, и вы. Отсюда, со стороны, все предстает перед нами в каком-то особенном освещении. Каждый шаг нашего пехотинца кажется событием, достойным летописи. Женя, как я счастлива!.. Да, именно счастлива... Пусть тебя не удивляет, что после всего, случившегося я еще могу говорить о счастье. Не думай, что я забыла что-нибудь или раны уже зарубцевались и не кровоточат. Нет. Женя... Золотая трансильванская сопка горит, не угасая, и не меркнет, не меркнет... И только величие того, за что он погиб и за что готова погибнуть и я, дает мне силы и ощущение счастья даже в самую тяжелую минуту. Потому, что разве счастье это только смех, и наслаждение, и ласки? Так представлять его могут лишь ограниченные люди, которые никогда не были бойцами и не имели своего полка и своего знамени. Разве такие мелкие «счастливцы» не достойны жалости? Это, Женя, ты знаешь лучше, чем я. Знаешь ты и то, как осточертела мне эта госпитальная кровать, эти процедуры и режимы. Хочется скорее освободиться от них и опять к вам, к вам, нога в ногу с вами...»

Во дворе послышалась команда:

— Офицеры, к комбату!

Евгений встал, пряча письмо. Воронцова у костра уже не было. Бойцы гасили огонь, выходили во двор. В темноте звучали короткие команды, строились подразделения. Шел снег. На западном берегу, сквозь порошу белой метели, пылали горы. Светились бетонные быки высоких дунайских мостов. Изорванные фермы опустились в багряную воду, словно пили ее жадно и никак не могли напиться.

— Знаменосцы, в голову колонны!—пролетела команда командира полка.

Подразделения двинулись.

Они будут итти вначале среди темных ущелий разбитых кварталов. Потом выйдут в придунайские поля, занесенные снегами. Будут итти всю ночь, слыша канонаду и слева и справа на флангах. Будут итти прямо на нее, не колеблясь, стискивая верное оружие. Впереди взвод знаменосцев с полковым знаменем в жестком брезентовом чехле, с позолоченным венчиком на конце древка.

Офицеры на ходу будут поглядывать на компасы, которые светятся в темноте на их руках.

Будут итти, итти, итти...

Золотой венчик знамени, покачиваясь, будет все время поблескивать над головами бойцов.

Перевел с украинского Л. ШАПИРО.